

# Феноменология неадаптивной активности в культурно-исторической парадигме

**А.Г. Асмолов**

доктор психологических наук, профессор Московского государственного университета им.М.В. Ломоносова

**М.С. Гусельцева**

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Психологического института РАО

В статье анализируется феноменология неадаптивной активности личности в культурно-исторической парадигме. Предлагается типология неадаптивных личностей и обсуждаются проблемы их появления на определенных этапах эволюции социокультурных систем, в ситуациях общественных кризисов. Высказывается также гипотеза о жанре научной публицистики как особом методологическом средстве при анализе междисциплинарных проблем.

**Ключевые слова:** неадаптивная активность, культурно-историческая психология, культура, историко-эволюционный подход.

Изучение феноменологии неадаптивных явлений в отечественной психологии берет отсчет с работ В.А. Петровского, исследовавшего «феномен бескорыстного риска» [31], [32]. В.А. Петровский и ввел термин неадаптивность, употребив его в позитивном контексте (в противоположность пришедшему в психологию из психиатрии термину «дезадаптация»).

Цель данной статьи — представить более широкую картину неадаптивных феноменов в культурно-исторической психологии. В современной науке культурно-исторический дискурс нередко выступает как методология исследований на стыке психологии и целого ряда гуманитарных наук, таких как история, этнология, культурология, семиотика, литературоведение и т. д. На наш взгляд, для такого конгломерата подходов и дисциплин уместным было бы название культурно-историческая парадигма (как область знания, охватывающая разные пласты синхронических и диахронических исследований). Под культурно-исторической психологией мы понимаем науку, сосредоточенную на взаимопревращении двух реальностей — психики и культуры, — которые сами по себе являются предметами разных наук. Таким образом, культурно-историческая психология существует во множестве обликов, известных как американская психоистория, отечественная «культурно-историческая школа», социокультурные подходы, кросскультурные и этнопсихологические исследования и т. п. [20]. Заметим также, что изучение феноменов неадаптивности под культурно-историческим углом зрения происходило в отечественной психологии в рамках историко-эволюционного подхода [1] и привело к возникновению типологии неадаптивной активности [4, 22].

## Проблема типологии «треугольник неадаптивности»

*Культура*, писал в начале XX в. отечественный мыслитель П.А. Флоренский, *есть среда, растягивающая и питающая личность*. Но культура сама по себе — феномен многослойный, и исследователи выделяют в ней как разные области — материальная, социальная, духовная культура, так и различные слои — глубинные и поверхностные, «вечные» и «временные» (подробнее см.: [20, 21]). Человек представлен в культуре в разных ипостасях — как субъект, личность, микрокосм, иногда как объект воздействия. Историческая относительность образов человека в культуре, как правило, очевидна, но есть и универсальные измерения человека с присущими им механизмами реализации. Эти измерения «личности» и «индивидуальности» выделяет психологическая наука (Б.Г. Ананьев, 1968; А.Г. Асмолов, 1990). Мучительная антиномичность и гетерогенность человека как существа, включенного в различные системы, где он выступает то объектом, то субъектом, то в качестве целого, то частью, приводит к избыточной драматичности его бытия, но служит и неиссякаемым источником возможностей развития. Обратим внимание, что понятия «личность» и «индивидуальность» в определенной степени соотносимы с выделенными нами слоями культуры «временное» и «вечностное», «сознательное» и «бессознательное» [21]. Так, личность несет на себе социальный отпечаток конкретно-исторического общества на человеке, а индивидуальность в наибольшей степени представляет собой то, во что выстраивает себя человек сам, отбирая подходящий культурный материал и развивая с его помощью присущие человеку

задатки. И диалог между индивидуальностью и личностью нередко становится одним из механизмов развития человека. В этом смысле индивидуальность человека является *органом его самостроительств*а и самоосуществления, *орудием реализации уникального предназначения*, собственной миссии в культуре [19].

Согласно историко-эволюционному подходу, каждый человек в качестве индивидуальности представляет собой неповторимый мир, потенциальный вариант дальнейшего развития культуры, который с той или иной степенью вероятности может быть претворен в жизнь. Эта вероятность особенно возрастает в критические эпохи развития культуры. Также в зависимости от состояния культуры индивидуальность либо *отстаивают*, либо *ищут* (и сама по себе такая феноменология становится индикатором состояния культуры). Например, в тоталитарно ориентированных, официальных культурах индивидуальность отстаивают как пространство для свободного развития и содержательного наполнения и тем самым преобразуют культуру, заставляя ее измениться и впустить в себя содержание Большого времени (М.М. Бахтин). Зачастую, отстаивая свою индивидуальность, человек выступает как *неадаптант*. В либеральных и ориентированных на развитие культурах индивидуальность *ищут* и *строят*, а совершая самостроительство, люди одновременно осуществляют и вклад своей индивидуальности в культуру. Таким образом, по отношению к официальному слою культуры человек может выступать как *адаптант* или *неадаптант*. Причем адаптант реализуется в типе личности, отвечающем официальной парадигме данного общества, тогда как неадаптанты отличаются большим личностным разнообразием. Историко-эволюционный подход к исследованию человека различает три типа неадаптантов, т. е. людей, оказавшихся за рамками официальной модели общества, нарушающих его устои, взламывающих социальные стереотипы, не вписывающихся в традицию. Эти три типа неадаптантов — «аномалы», «асоциалы» и «гении» [4]. Каждый из выделенных типов выполняет в культуре собственную функцию, осуществляет свое призвание, несет собственный эволюционный смысл. Кратко остановимся на содержательных характеристиках типологии неадаптантов в культуре.

«АНОМАЛЫ». В качестве «аномала» неадаптант может выступить в двух статусах — как душевнобольной и как «человек играющий», «помешанный», «ненормальный», «юридический», «шут», «скоморох» и т.п.

Каков вообще эволюционный смысл «безумия» в культуре? Французский доктор Ж. Ванье, много лет помогающий жить душевнобольным людям, полагает, что умственно отсталые люди играют в истории человечества роль, которая не столь очевидна, но крайне важна для плодотворного развития культуры. Главная ценность таких людей, как показала многолетняя практика доктора Ж. Ванье, проявляется —

их *подлинность*. Если мы не подходим к таким людям с мерками «культуры полезности», то оказывается, что они дарят миру крайне много: свою чистоту и «светлость», свою любовь, ибо, как утверждает Ж. Ванье, они обладают «сознанием любви» и талантом любить. Кроме того, слабоумные побуждают общество, в котором они живут, к альтруизму и «культуре достоинства», самим своим бытием вызывая к милосердию и обращаясь к лучшему в окружающих людях, поддерживая тем самым животворящий для культуры психологический климат духовности, поскольку отношение к детям, старикам и инвалидам выступает важнейшим индикатором состояния культуры [2].

Идиот в древнем смысле слова, согласно П.А. Флоренскому, — это вовсе не слабоумный, а *частный* человек, т.е. не участвующий в исторической жизни, живущий в себе, вне связи с обществом. Культурные типы «дурака», «скомороха», «трикстера» широко изучены в культурологической литературе (Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко, 1984; В.Н. Топоров, 1987). Социальная роль королевского шута при средневековом дворе позволяла ему доводить до власти точку зрения, отличающуюся от официальной. Согласно традиции, королевский шут не уступал в интеллекте официальным лицам, но к его советам не относились всерьез, на его острую критику не обижались. Эволюционные типы «шута» или «чудака» позволяли практиковать *вариативность* в официальной культуре: что не дозволялось «оводу»-Сократу, сходило с рук чудачу-Диогену.

«АСОЦИАЛЫ». К этому типу неадаптантов мы относим «нигилистов», выполняющих разрушительно-очищающую функцию для становления новой культуры, «маргиналов», расширяющих в обществе границы дозволенного поведения, и разного рода «социальных кочевников». В целом же *нигилизм является первым свидетельством неблагополучия в культуре, диагностикой предкризисной ситуации*. Как правило, нигилизм становится предтечей терроризма.

Портрет этого явления мы находим в России второй половины XIX в., когда вслед за теоретиком нигилизма и интеллектуального терроризма Д.И. Писаревым, вслед за тургеневским образом Базарова и праздником разрушения в поэзии и текстах М.А. Бакунина, вслед за отшлифованной С.Г. Нечаевым доктриной революционного терроризма в 1870-е гг. возникают молодежные террористические организации «Молодая гвардия», «Народная воля», «Земля и воля» и т. п., заливающие страну кровью жертв. Как показал опыт французской и русской революций, если подобного рода неадаптанты приходят к власти и становятся официальной культурой, то их терроризм вскоре обращается в государственный террор. Поэтому, чтобы предотвратить катастрофу тоталитаризма, крайне важно превращать эту мобильную группу риска в неадаптантов-творцов, воздействуя на их культурную среду (это очень четко понимал К.Д. Кавелин, призывавший бороться с нигилизмом средствами образования и просвещения).

«ГЕНИИ». Эту группу образуют неадаптанты-творцы, собственно и созидающие будущую культурную эпоху «творческими вкладами» своей индивидуальности. Их эволюционный смысл становится ясен, если мы обратимся к работам авторов, исследовавших данную тему: «*Опережая современников на целые столетия*», — пишет Дж. Селли, — гений «*пролагает новые пути, дает цели и средства целым поколениям, совершает новый шаг в истории умственной эволюции. Гений — это полководец, который мчится в авангарде армии мыслящих людей, и в силу этого он подвержен наибольшей опасности во время боя. Гений, подобно филантропу и человеку, жертвующему собой ради других, есть разносторонность человеческого духа — невыгодная для самосохранения, но в высшей степени важная для сохранения вида*» [34, с. 42]. Как правило, гении обильно появляются на переломах культур, появляются «горстками», чтобы извержением своей индивидуальности залатать раны эпохи, дать творческий задел грядущей культуре. Их эволюционный смысл может быть передан парафразами: «Порвалась дней связующая нить — я призван времена соединить!». Более того, гении неразрывно связаны с самой динамикой культуры, ибо они появляются в «расщелине» между двумя мирами, в ситуации разрыва культур, которая способствует запуску механизмов индивидуализации, создает жизненный запрос на индивидуальность; здесь включаются эволюционные механизмы культуры, обращаясь к самостроительству человека, к предельным усилиям его развития. В целом типологические характеристики гения отвечают феноменологии «расщелины» культуры — это духовная независимость, парадигмальная толерантность, несистематический, но синтетический стиль мышления, стремление к решению глобальных проблем.

Следуя за В.А. Вагнером, отметим, что чем более развита та или иная система, тем больше в ней разброс «аномалов», «асоциалов» и «гениев». За индивидуальными же различиями между людьми стоят эволюционные линии развития культуры, человечество представляет собой соцветие индивидуальностей, каждая из которых способна дать задел новой культурной эпохе [2, 5]. Взаимоотношение «неадаптантов» (неадаптивной активности) и «власти» (официальной культуры) представляет собой одну из живописных, но тем не менее недостаточно исследованных страниц культурно-исторической психологии.

### **Механизмы подавления разнообразия в тоталитарных культурах: об эволюционном смысле ведьм и гениев**

Как и любая сила, власть наиболее рельефно проявляет свою природу, сталкиваясь с той или иной формой сопротивления, противодействия. В этом смысле для культурно-исторической психологии власти весьма интересен драматический опыт дина-

мических взаимодействий между властью и инакомыслием в разные периоды человеческой истории. Существует ли связь между волнами централизации/децентрализации власти и психоисторически колебаниями активности инакомыслящих? В каких исторических ситуациях зарождаются и начинают конструировать культуру инакомыслящие: еретики, шуты, ведьмы, гении, диссиденты и т. п.? К каким социально-психологическим технологиям и механизмам прибегает власть, стремящаяся подавить различные формы феноменологии инакомыслия? С чем связан феномен появления в различные переходные периоды истории «созвездий гениев» и не менее впечатляющих «созвездий ведьм»? Если феноменология адаптивных явлений досконально изучена (например, в знаменитых исследованиях авторитарной личности Франкфуртской школы), то феномены неадаптивности все ещё представляют собой будоражащую воображение загадку.

Сразу же заметим, что тайну возникновения в культуре «созвездий» гениев и феноменов преследования инакомыслящих как в тоталитарных, так и в авторитарных культурах пытались разгадать многие ученые — как культурологи, так и естествоиспытатели. Например, О. Шпенглер, А. Тойнби связывали эти феномены с «ростом цивилизаций». А. Кребер, отмечая появление в культуре великих людей «целыми группами», усматривал здесь «влияние социокультурных факторов» [26]. В.И. Вернадский и А.Л. Чижевский предлагали обратить внимание на естественные факторы исторического процесса, поскольку с планетарной точки зрения Земля и ее население представляют собой единый физический организм [10, 39]. Социокультурные условия формирования гения были предметом анализа философов и историков. Мыслители, отдающие предпочтение роли генетических факторов, доказывали, что гении в одинаковой мере представлены в любую эпоху. Так, Н.В. Теплов полагал, что гении есть «во всяком обществе» и «во всякий момент» [36]. Вместе с тем А. Кребер связал появление гениев с «конфигурациями культурного роста», а К. Ясперс показал, что переломные эпохи, ставя великие задачи, формируют великих людей [40]. Если историки культуры описывали чередование в истории периодов подъема и спада творческой энергии, то современные культурные антропологи установили положительную корреляцию между децентрализацией (политической раздробленностью) и креативностью и показали, что рост империй ведет к культурному застою и повышению неадаптивной активности. Однако все эти исследования представляют собой отдельные фрагменты изучения проблемы и, на наш взгляд, именно историко-эволюционный подход позволяет объединить фрагменты исследований в единую сеть знания.

Согласно историко-эволюционному подходу развитие сложных самоорганизующихся систем предполагает противоборство двух тенденций — к изменению и к сохранению. Тенденция к сохранению реализуется в истории в виде тоталитарной культуры, цен-

трализованной системы, которая, эволюционируя, доходит до своего логического предела и пробуждает внутри себя оппозиционные неадаптивные силы, несущие ей гибель. И система, защищаясь, вынуждена создавать механизмы стабилизации для удержания старого порядка и обороны от нововведений.

Обладающей необъятной властью централизованной системой западного Средневековья являлась католическая церковь. Подобная ситуация сложилась исторически, так как лишь последняя, имея представительства во всех европейских странах, могла их объединить и преодолеть феодальную раздробленность, вставшую на пути исторического прогресса. Внутри этой системы с самого начала ее существования развивался основной *оппонент*, угрожающий ей гибелью, — *еретики*. И для самообороны система выработала специальные механизмы — аппараты средневековой инквизиции, нацеленно создававшиеся как государственные учреждения по преследованию ересей. Накануне Реформации, в XII—XIV вв., ереси приобретают сильнейший размах, выступая угрозой как Церкви, так и государственному строю. Показательно, что именно на это время приходится и расцвет инквизиции. На счету последней чудовищные преступления: истребление ученых, алхимиков, астрологов, преследования в области литературы и искусства. Это общая тенденция, свидетелями которой мы не раз становимся в истории: централизованная система в состоянии кризиса становится особенно чувствительной к «иному мнению», что проявляется в совершенно неожиданных формах.

Так, в XIV веке на Западе возникает эпидемия массового безумия — гонения на «ведовство», усиленно разжигаемое церковной властью. В результате этих преследований Европа лишилась наиболее красивых и образованных женщин и выдающихся мужчин. Число жертв в одной только Испании составило 300 тыс. человек, в Германии было истреблено 100 тыс. женщин, после чего красивые женщины сделались там редкостью [13]. Ожесточенно преследовалась всяческая индивидуальность, самобытность, не терпелось ни малейшее отклонение от «нормы», от общих канонов.

Чем объясняется тот факт, что в любой централизованной системе, будь то восточная деспотия, фашистская диктатура, казарменный коммунизм или средневековая инквизиция, силы «сохранения» в первую очередь набрасываются на тех, кто чем-либо отличается от окружающих, проявляет строптивость, неординарность? Что происходит с массовым сознанием, когда разъяренная толпа захлебывается от восторга, глядя, как на костер ведут их соотечественников, и завороченно наблюдает сцены экзекуции? Или же исходит переходящими в неудержимую овацию аплодисментами, приветствуя новые жестокости Вождя? Для чего всенародно сжигали «ведьм»? С какой целью устраивали публичные процессы над «врагами народа»? Зачем нужны такие зрелища централизованной тоталитарной или авторитарной системе?

Основная стратегия развития тоталитарных социальных систем — самосохранение, воспроизводство и продление своего существования любой ценой. Причем существенную поддержку тоталитарным системам оказывают обыватели, люмпенизированные слои населения, и система налаживает их воспроизводство, предоставляя им «хлеб и зрелища», освобождая от «химеры совести», поощряя «бегство от свободы», апеллируя к низким и темным сторонам души человека — для этого существуют особые «социокультурные технологии», механизмы превращения человека в «идеального заключенного» в концлагерях (они описаны в книгах Б. Беттельгейма и В. Франкла). Одним из основных средств здесь выступает *психофашизм* — приведение сознания в особое состояние, расщепленное на «мы» и «они». Для этого система открывает «охоту на ведьм», ищет «врагов народа», организует публичные показательные процессы и карательные операции, создает «театр абсурда».

Средневековая процедура обвинения ведьм по ритуалу схожа с процессами над «врагами народа» 1930-х гг., но одурманенное идеологией сознание современников не замечает абсурдности и нелепости происходящего. В этом проявляется феномен «массового гипноза», который овладевает толпой, наблюдающей «распятие». Такая толпа, согласно Г. Лебону, представляет собой нечленимое целое — живую плазму слившихся в опьянении экстаза и страха, растворившихся, потерявших в ней индивидуальностей.

*Превращение людей в толпу* крайне выгодно централизованной системе, так как предоставляет ей возможность психологического манипулирования, суггестии, определенной обработки сознания. Поэтому централизованные системы практикуют массовые зрелища, принудительные митинги и собрания, «двухминутки ненависти» и другие подобные мероприятия. Феномен толпы представляет собой *зону суженного сознания* (наряду со специализацией в образовании, состоянием аффекта и мономанией). В толпе резко увеличивается не критичность мышления. И само общество в определенные периоды может быть организовано как толпа. Согласно Г. Тарду, толпа представляет собой собрание разнородных элементов, наэлектризованных страстью. Феноменологию изменения личности в толпе можно найти, например, в дневниковых записях С.И. Муравьева-Апостола: «Пусть другие расскажут, как шесть лучших рот моего батальона, краса и гордость полка, превратились в разбойничью шайку...» [23, с. 252]. История показывает, с какой легкостью «массовые гипнозы» перерастают в «массовые психозы» типа крестовых походов детей, демономании, плясок Витта, имевших место в Севене, Кельне, Меце, Страсбурге в XIV в. [12].

Среди многочисленных примеров отметим также демономанию в Германии (1549 г.; Артуа); конвульсии «гранд истерик», разразившиеся в женских монастырях в середине XVI в., религиозную эпидемию в Швеции в 1841—1842 гг. Болезнь способствовала распространению суеверий, а суеверия, в свою очередь,

поддерживали эпидемию [12]. В. Гирш исследовал социокультурную почву для возникновения *психических эпидемий*. К предпосылкам их возникновения относятся религиозно-мистическое воспитание с детства, сензитивность к внушениям, легкость заражения. Примечателен факт, что на иной культурной почве дело не доходит до эпидемий, так, спиритизм в последующем историческом развитии был локален и не привел к пыткам и кострам. Тем не менее В. Гирш предостерегал от имевшего место в его время распространения «гипнотизма». «В руках толпы, став любопытной забавой, гипнотизм может повести к самым печальным последствиям. ...Нельзя придумать ничего возмутительнее театрализованных представлений профессиональных гипнотизеров» [12, с. 159]. Кризисное, в особенности посттоталитарное общество, остается питательной почвой для психотерроризма, поскольку в массах преобладают следующие черты: «доступность внушению», «чувствительность, подражание, склонность к мистицизму» [12, с. 160].

Однако противостоять психофашизму способна развитая индивидуальность с присущей ей независимостью мышления и личным достоинством, бытием «не по лжи». И поэтому тоталитарные системы стремятся уничтожить социальные институты индивидуализации и зоны развития в культуре, например, придумав искусство. *Ложь* как контекст развития также может выступить в качестве механизма подавления индивидуальности, и этот феномен был художественно проанализирован А.И. Солженицыным. Насилие быстро устаревает, через несколько лет своей тирании становится уже не так уверено в себе, и призывает в союзники ложь. «Насилию нечем прикрыться кроме лжи, а ложь может держаться только насилем», требующим от человека «ежедневного участия во лжи». И именно здесь А.И. Солженицын обнаруживает рычаг освобождения человека — *личное неучастие во лжи*.

«Охота на ведьм», «поиск врага» необходимы тоталитарной системе еще и для того, чтобы оправдать состояние централизации и наращивать механизмы подавления и сохранения. Так, в XIII в. возникают ордена доминиканцев и францисканцев в качестве специальных иерархических организаций для преследования ересей; в XIV в. — один из самых зловещих орденов — иезуиты. Созданные организации, перемолов еретиков, уже не могут остановиться и, чтобы оправдать свое существование, открывают гонения на ведовство. Поскольку ведьма «аккумулировала вековой опыт народной традиции» [15], это было и наступлением на «карнавальную» культуру. Еретики же, согласно А.Я. Гуревичу, в средневековой культуре представляли собой феномен сознательного самостроительства индивидуальности [15]. В Западной Европе XIII—XIV вв. преследуются катары, вальденсы, гиллельмиты, апостольские братья, фратичелли (в Италии), спиритуалисты, организуются гонения на мавров и иудеев, на университетские интеллектуальные круги, позже в Испании и Португалии — на гуманистов и протестантов.

Средства и методы тоталитарных систем не отличаются разнообразием — это доносы и пытки, вымышленные причудливые обвинения (вроде масонского заговора или шабаша ведьм), геноцид, изгнание с территорий. Объект преследования всегда один — инакомыслящие, еретики, малые группы людей, альтернативные официальной культуре.

Важный принцип тоталитарной централизации — монолитность, единство. И в ситуации кризиса этот принцип способен продлить системе жизнь, обеспечивая хотя бы видимую стабильность. Культуры в предельной стадии централизации способны закручиваться в дремучий застой и медленно погибать, разлагаясь в эпохе падения, если не сработают «защитные механизмы» развития и культуру не оживит неадаптивная активность. Подобным образом исчезли с лица Земли многие древние цивилизации.

Самосохраняясь, централизованная система вынуждена искать средства предохранения от неадаптивной активности. К таким средствам относится недопущение в культуре появления индивидуальности. Ведь индивидуальность, своим бытием несущая в культуру вариативность, разнообразие, творчество, вольномыслие и прочий «хаос», — основной разрушитель тоталитаризма и заклятый враг централизованной системы. Преследуя инакомыслящих, таящих угрозу разрушения порядка, система сохраняет себя. И в предчувствии агонии становятся хороши любые средства, дающие *эффект нивелировки индивидуальности*: от прямого физического устранения ее из культуры (сожжение на кострах, концлагеря, массовые расстрелы и казни, высылка в эмиграцию) до применения более «цивилизованных» средств (психотехнологий, монополии на распространение информации, запрещения свободы перемещения, контроля над институтами социализации, душешения искусства, регламентации досуга и быта и т. п.).

Так, в Испании с 1526 г. была введена цензура на книги и печать, практиковались индексы запрещенных книг и сожжение последних на кострах, подвергались гонениям интеллектуальные круги, «на ученых надет намордник» [13]. В царствование Ивана Грозного вводилось общерусское летописание, книгопечатание унифицировало книжную культуру и было подцензурно, осуществлялся контроль над переводами, редактировались жития святых, подвергались гонениям «неправо мудрствующие»; издавались «Стоглав» (правила иконописания, ведения службы) и «Домострой», регламентирующий частную жизнь. Самобытные города подчинялись идеологическому контролю Москвы [14]. В гитлеровской Германии монополизировалась печать, радио и кино, велась нацистская пропаганда; объявлялась охота на интеллигентов-евреев, цыган, выделявшихся образом жизни, и психически больных. В России вскоре после 1917 г. был составлен индекс запрещенных книг, которые изымались из библиотек. Среди этих книг оказались: Библия, Коран, А. Данте, Платон, И. Кант, А. Шопенгауэр, В.С. Соловьев, И. Тэн,

Ф. Ницше, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков и др. В 1922 г. в эмиграцию были отправлены известные «корабли философов»...

На службе сохранения тоталитарной культуры нередко состояла *риторика*. С ее помощью формировалось ирреальное, неадекватное действительности сознание, мировидение (возникали идеи поворота северных рек, верификации истинности соответствием цитате вождя мирового пролетариата). Нагруженность сознания знаками заглушала «личностные смыслы»; «значения» вращивались извне, а не произрастали изнутри; употребление знаков становилось магическим, а его господство над личностным смыслом — рудиментарным.

Как показала на отечественном материале В.Т. Нанивская, деформация личности осуществлялась посредством социального института школы. Целью унификации системы образования («единая трудовая школа») было научить всех «мыслить и чувствовать по-коммунистически», для этого использовалось принуждение, собственная активность ребенка сводилась к усвоению, знания были идеологизированы («тотальная политизация обучения на фоне обеднения преподаваемого материала») [29]. Этой же цели служила и послереволюционная реформа орфографии, заключавшаяся в изъятии смыслоразличительной буквы «фита», отмены буквы «ять», слиянии восьмеричного и десятичного «и». Смысл реформы был в том, чтобы сделать практически недоступными тексты минувшего, стереть историческую память, нарушить преемственность культуры; поставить преграды к пониманию славянских языков, религиозной литературы. Г.Ч. Гусейнов исследовал, как подобный «социолингвистический эксперимент» привел к «опустошению слова от духовного смысла» и к торозящей внутренней диалог «словесной фетишизации» [18, с. 69–70].

Согласно концепции Л.С. Выготского, посвященной проблемам сигнификации — созданию и употреблению знаков, эволюционный смысл знака заключается в его воздействии на поведение; посредством знака происходит овладение сознанием, как собственным, так и другого человека. Поэтому тоталитарные культуры вводят над знаками особый социальный контроль. Их идеальная цель — достичь того, чтобы повиновение возникало на уровне самоовладения (сформировать сознание раба). Отсюда проистекала задача тоталитарных культур — интериоризировать внутреннего повелителя, цензора в самом сознании человека, превратить человека в надзирателя за самим собой. Однако поведение человека детерминруется не только знаками, но и *личностными смыслами*, феноменологическим проявлением чего служит прислушивание творцов к «внутреннему голосу», «зову». Тоталитарные культуры стараются перекрыть этот канал свободы, разрушая институты индивидуализации, поработая и ограничивая искусство как источник полисемантической, вводя всевозможные регламенты, эволюционная роль которых состоит в лишении выбора.

Человек, таким образом, психотехнизировался под нужды системы: чеканился «штифтик», социальный «зомби», удобный для режима.

Приведем иллюстративный пример из работы А.Б. Залкинда: «Коммунист представляет собою напряженную нервнопсихическую организацию, пребывающую в состоянии непрерывного идеолого-эмоционального сосредоточения. Идея революции, интересы революции, перспективы революции, анализ как общих, так и частных вопросов революционного процесса пронизывают мозг коммуниста ежеминутно» [24, с. 99]. «Максимум единомыслия, максимум интимно-идейного сживания со всей атмосферой учреждения вообще является первоочередным требованием, предъявляемым к лечению партработников» [24, с. 115].

Однако, как показали драматические судьбы А.И. Солженицына, А.Д. Сахарова, В. Франкла, Б. Беттельгейма и других, освобождение от принудительного влияния знака дается в механизме *рефлексии*, т. е. в производстве своих внутренних смыслов. Противостояние подчинению можно найти также в сфере межличностных отношений (дружбе, любви), в сфере творчества — все это помогает личности выйти из зоны подавления социальным контролем. Поэтому централизованные системы и покушаются на частную жизнь граждан, подвергая ее упорядочиванию по своему образу и подобию. Обращаясь к «рудиментарным формам» (сохранившимся остаткам «древних систем поведения») психики, эти системы нивелируют индивидуальность человека. Тоталитарные культуры, своими технологиями оживляя «спящие почки» рудиментарных форм человеческого поведения, подавляют индивидуальность. Средствами этого служат собиранье людей в толпы (где легко возникает суггестия), публичные экзекуции (где актуализируются страх, ненависть, месть), регламентации (лишение личного выбора) и т. п. К феноменологии такого рода воздействий относится и возрождение некоторых религиозных культур. Так, американский психолог С. Хассен изучал, как деструктивные секты, используя культурные обряды инициаций, овладевают сознанием своих адептов, перестраивая их картину мира. В психологии известны различные уровни волевого поведения: от автоматического подчинения приказу до произвольного овладения настоящим через воображаемое смысловое будущее. Тоталитарные культуры пробуждают самые низшие формы поведения. Для индивидуальности же овладение своим поведением означает *принятие на себя ответственности* за поступки, за собственное развитие и будущее своей культуры. Тоталитарные режимы стараются этого не допустить, возвращая людей на инфантильный уровень, как это показали Б. Беттельгейм и В. Франкл, смысл чего как раз и заключается в актуализации рудиментарных форм первобытного поведения. Культуры тоталитаризма не дают личности овладеть своим поведением; они владеют им сами.

Таким образом, можно выделить две стратегии тоталитарных систем: *обезличивание* (техники превращения в толпу, коллективной поруки, лишения выбора) и *апелляция к низменному* (зависть, страх, доносительство, вендетта и т.п.). Смысл первых — в *деиндивидуализации*; эволюционный смысл вторых — *разъединение*, распад возвышающих человеческих связей (дружбы, любви, духовного наставничества), поощрение эгоистического индивидуализма. Обратим также внимание на особенности функционирования сообществ в тоталитарных и гуманистических культурах: если в одних наблюдается *механическое* объединение элементов в *толпу*, то в других *единицы* объединены в *развивающую* систему («лаборатории жизни», по Ю.М. Лотману). Именно в таких «лабораториях жизни» происходит не только социализация, но и индивидуализация неадаптантов, превращающая их в творцов [22].

### Феноменология неадаптивной активности в критические эпохи

«Начало XVI в. в Европе — великая эпоха. Эпоха радикального перелома в европейской культуре, когда закладывается матрица ее развития на столетие вперед. Время благородных порывов и сожжений “еретиков”, увлечения античной культурой и облавы на ведьм, благочестивейших диспутов и изощреннейших попыток.... Но все эти, казалось бы, разнородные элементы, столкновения, персонажи, тенденции как-то утрясаются, уплотняются, сообразуются в единый поток социального развития, в мироощущение, возвещающее наступление буржуазной эры» [37, с. 17].

Тоталитарная централизация, однажды достигая своей кульминационной точки, становится тормозом для дальнейшего развития культуры. Возникающий в таких ситуациях кризис развития обостряет все противоречия централизации. «В эпохи скачков старина и новизна, — отмечает А.М. Панченко, исследовавший русскую культуру в канун петровских реформ, — демонстрируют взаимную враждебность и настаивают на несовместимости» [30, с. 84]. Поэтому развитие официальной культуры закономерно заканчивается взломом традиций.

Ответ на вопросы, кто взламывает эти традиции и откуда берется возможность альтернатив, содержится в работах М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, посвященных анализу «антимира», «карнавала» и зон неопределенности в культуре. Именно в последних и складывается оппозиция существующему социальному порядку, готовится «фундамент для новой культуры», выразителем которой становится неадаптивная активность, которую через свои поступки и деяния олицетворяют «неформалы» и «неадаптанты». Как уже отмечалось, согласно историко-эволюционному подходу, существует несколько разновидностей неадаптантов — аномалы, асоциалы и гении. Эти виды неадаптантов ре-

шают разные задачи: душевнобольные поддерживают в обществе элементы культуры достоинства, асоциалы появляются в ситуациях культурных тупиков, пробуждая общество к переменам, а гении — спутники переломных эпох, соединяющие «разорванные» времена и решающие в лимитах времени великие задачи культуры и цивилизации.

Неадаптивные элементы присутствуют в любой культуре. Но подавление в централизованной системе полифонии и полисемантической голосов ведет к их защитному вытеснению в периферийные зоны культуры. Так возникают напряженные оппозиционные течения, строящиеся по логике «от противоположного». Например, церковной аскезе в народной культуре противопоставляется гротеск тела и пира, официальной серьезности русской культуры — институт шутства [11].

И чем сильнее довлеет одна сторона, тем острее ей противостоит другая. В эпохи кризисов и скачков, когда возникает эволюционная необходимость в антимирах, карнавальные элементы вырываются на передний план в виде неадаптивной активности, наливая официальную культуру свежими силами либо сметая ее вовсе (М.М. Бахтин). Взламывая устоявшееся, подрывая традиции, неадаптивная активность расчищает пути для становления грядущей культуры, а извергающиеся недра Большого времени предлагают разнообразный строительный материал, тогда как на поверхности культуры ведется интенсивный поиск путей развития.

Так, средневековые университеты породили *движение вагантов*. Шумные ватаги школяров нарушали городской покой, устраивая бурные диспуты и буйные пирушки. Вагантами («бродячими» — по латыни) называли студентов-кочевников, странствующих из города в город, из университета в университет по дорогам Европы.

Ваганты — один из характерных примеров неадаптивной активности. Свой кочующий образ жизни они противопоставили средневековой оседлости; их крамольные стихи выворачивали наизнанку «ритмы латинских церковных гимнов». В стихах прославлялись кабацкие вакханалии, азартные игры, плотская любовь в противовес церковной идеологии и аскетизму. Телесность и гротеск поэзии вагантов отражали культуру народного «низа»; в литературу проникал смех, появлялись первые сатирические нападки на церковь (своего рода гласность). Влившись в официальную культуру, ваганты вдохнули в нее жизнь, по выражению М.М. Бахтина, «оплодотворили ее». С них начинается новый этап в развитии европейской литературы, а литературные течения отражают динамические изменения ментальности. Ваганты сделали и предвестниками Возрождения, доминантами которого стали натурализм, чувственность, раскрепощенность сознания, а девизом — Красота, Удача, Свобода. «В переходные эпохи, — писал М.М. Бахтин, — народная культура с ее концепцией незавершенного бытия и веселого времени оказывает могучее влияние на большую литературу, как это

особенно ярко проявилось в эпоху Ренессанса» [7, с. 245]. Однако «расцвет вагантства был пышен, но кратковременен». К концу XIII в. наиболее отъявленных бунтарей постигли репрессии (так проявляли себя силы сохранения в культуре), другие же рассеялись в обществе. В целом неадаптивное движение все больше наливалось творчеством и вскоре разразилось потоком странствующих поэтов — трубадуров, менестрелей и миннезингеров.

Другими источниками Ренессанса, подтачивающими централизацию и деспотическую власть изнутри, явились еретическая неадаптивная активность и философская мысль античности, в X—XIII вв. проникшая на Запад в результате крестовых походов. XI—XIII вв. отличались бурным ростом городов — очагов ереси, и интенсивным диалогом между Востоком и Западом. Благодаря появлению множества частных школ церковь утратила монополию на образование. Эта волна децентрализации породила *новую молодежь*, но, оказавшись невостребованными в старой системе, образованные молодые люди сделали для нее дезорганизующим явлением [11].

Еретики были непосредственной оппозицией официальной культуре, системообразование которой осуществлялось связующей силой религиозного «идеала рациональности». «Религиозные представления составляли существенный элемент массового сознания, — отмечает Л.Н. Митрохин, — оказывая значительное влияние на политические и социальные битвы той поры, ... на формирование миротворческой мысли и политики веротерпимости, — одним словом, на всю духовную жизнь. ...Именно религия — в ту эпоху идеология господствующая — наиболее концептуально оформляла опыт массового сознания, обнаруживая общий вектор движения культуры» [28, с. 7].

В столкновении с официальной идеологической парадигмой зарождалось и движение *протестантизма*. В протестантизме вырабатывалось иное представление о человеке, иная этика, иное отношение к труду, религии и обществу, в сущности — иная картина мира. Согласно исследованиям М. Вебера, именно протестантизм оказался той социальной лабораторией, в которой выпестовался «дух капитализма» [9].

Защитницей средневековых порядков сделалась католическая церковь, представляющая уходящую культуру, пользующаяся реальной властью и чутко реагирующая на зарождающиеся инновации. Альтернативными же силами стали антицерковные движения, которые в это время также нарастали, в крайней пестроте и вариативности. Эти разнородные силы нуждались в объединяющей программе. Такая программа появилась, когда 31 октября 1517 г. священник М. Лютер вывесил на церковных воротах тезисы, обличающие церковную практику. Рим среагировал на это событие активизацией механизмов подавления, и конфликт между официальной и оппозиционной культурами начал интенсивно развиваться.

Программа М. Лютера в логике метаморфоз от Средневековья к Новому времени воспроизводила коперниканский переворот в сфере духа, тем не менее не порывая с религиозным контекстом. Концепция личной веры позволяла сместить акценты с внешней регуляции поведения на внутреннюю; аналогичным образом и в сфере этики на первый план выдвигались внутренние мотивы. Своим интересом к внутреннему миру человека протестантизм психологизировал теологию, сделав ее предметом реального человекознания (страх божий, озарение и т. п.) [28]. Таким образом, протестантизм выступил лабораторией по производству иной ментальности.

Наряду с вариантом М. Лютера (реальная парадигма) существовали варианты Э. Роттердамского (гуманистическая парадигма) и Ж. Кальвина (теократическая парадигма). Ж. Кальвину удалось реализовать в Женеве теократическую республику — одну из осуществившихся социальных утопий. Классическая картина тоталитарной культуры передается следующей иллюстрацией: «Гражданам строго предписывалось регулярное посещение богослужений, контролировался ввоз и издание книг, действовали жесткие регламентации насчет того, во что одеваться, чем питаться, какие имена давать новорожденным и т.п. Под строгим запретом оказались концерты, танцевальные вечера, массовые развлечения, члены правящей консистории постоянно посещали дома жителей, дабы контролировать образ их жизни и мыслей» [36, с. 14]. Кальвинизм таким образом тоже создавал ментальность, порождал «новый тип людей».

Ереси быстро распространялись в Европе, где порядки официальной церкви, отражавшие культуру падения, вызывали у населения недовольство. Ереси выступали в качестве защитных механизмов развития, против которых ополчались государственные механизмы подавления.

Деяния еретиков, как и социальные смеховые действия шутов, также вносят неопределенность в культуру, лишают ее устойчивости и тем самым дают прорваться тенденции к изменению социальной общности. Но в отличие от смеховых социальных действий эти деяния подпадают под элиминирующее влияние социального контроля (подробнее см.: [2]).

Своеобразные еретические волны мы можем обнаружить и в отечественной истории. В логике историко-эволюционного подхода, в котором постулируется присутствие неадаптивных элементов в любой культуре, мы наблюдаем, что нарастающей волне послереволюционной централизации поначалу противостояли еретики-интеллигенты, не принявшие революции, в лице, например, И.П. Павлова (утрированно крестившегося у каждой церкви), «старой профессуры», впоследствии высланных ученых и философов; затем «еретики в советской литературе — Пастернак, Ахматова, Мандельштам...» [33] («Страсть всякого поэта к мятежу» отмечала М.И. Цветаева). Позже появляются *диссидентство* и *правозащитное движение*, связанные с культурной эпохой «оттепели».



Диссиденты — «явление принципиально новое и возникшее непосредственно на почве советской действительности», — отмечает А.Д. Синявский [33, с. 89]. Отечественное диссидентство реализовывалось преимущественно в писательстве. «Литература по своей природе — это инакомыслие... диссидентство — ... движение интеллектуальное, это процесс самостоятельного и бесстрашного думания» [33, с. 88]. Следует отметить, что, несмотря на государственный тоталитаризм, шло интенсивное развитие культурных антимиров — творческие силы реализовывались на «необщих путях»: в мультипликации, в переводах, в детской литературе.

Все эти движения в конце концов расшатали государственную машину, которая разорвалась *перестройкой*. В этом процессе мы наблюдали и извержение «бессознательного» в виде открывшихся архивов и со всех сторон проникающих в культуру текстов, и чувствительность к индивидуальности, и рост разнообразных форм неадаптивной активности, и активизацию сил «сохранения» (балтийские, тбилисские и российские события 1990-х гг.).

Таким образом, на разных уровнях функционирования человека как «элемента» развивающихся систем — на уровне человека как индивида в биогенезе и антропогенезе, на уровне личности как индивидуальности в социогенезе — проявляются неадаптивные и преадаптивные, избыточные формы активности, которые выражают тенденцию к их изменению и тем самым выступают как необходимый элемент эволюционного процесса данных систем. В переломные периоды развития систем (биологические катаклизмы, социальные кризисы) значение неадаптивной активности входящих в эти системы элементов возрастает и обнаруживает ее эволюционный смысл. Неадаптивная активность, кажущаяся избыточной для адаптивного функционирования той или

иной системы, представляет собой неперемное условие исторической изменчивости системы и ее дальнейшей эволюции.

\* \* \*

Исследование феноменологии неадаптивной активности в культуре является сложнейшей проблемой, подход к которой в отечественной психологии лишь намечен в ряде исследований на стыке психологии и истории (например, см.: [36]), поэтому в заключение следует сказать несколько слов о том, какие средства анализа могут быть использованы для решения названной проблемы. Ответы на такие вопросы нередко рождаются в области совершенно иного жанра, расцветающего в эпоху постмодернизма. Имя этого жанра — *научная публицистика* (пользуясь выражением Ю.Н. Тынянова, «опыт научной фантазии»), а его эволюционный смысл заключается в прорыве к целостному постижению действительности, в движении мысли «поверх барьеров» (Б.Л. Пастернак). Именно научная публицистика, благодаря своему нетривиальному положению на границе между искусством и наукой, обладает особым методологическим ресурсом и рискует поднимать вопросы, которые не находят решения внутри замкнутых миров отдельных наук. Продуктивность названного жанра (неявной методологической опорой которого стала неокантианская методология идеального моделирования — но это тема для отдельной статьи) доказана литературно-историческими реконструкциями А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана, Н.Я. Эйдельмана и др. Будущее же покажет, как сумеет распорядиться этим средством анализа культурно-историческая психология.

### Литература

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.
3. Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. Механизмы подавления индивидуальности в тоталитарных культурах: как зарождаются и исчезают ведьмы и гении? // Тетради Межд. ун-та в Москве: Сборник научн. трудов. Вып. 8. М., 2007.
4. Асмолов А.Г., Нырова (Гусельцева) М.С. Нестандартное образование в изменяющемся мире: культурно-историческая перспектива. Новгород, 1993.
5. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
6. Бахтин В.С. Школьная жизнь в Париже XII века // Средневековый быт: Сборник статей. Пг., 1925.
7. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
8. Варшавский В.И., Поспелов Д.А. Оркестр играет без дирижера. М., 1984.

9. Вебер М. Избр. произведения. М., 1990.
10. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1988.
11. Гаспаров М.Л. [Вступительная статья] // Памятники средневековой латинской литературы IX—XI вв. М., 1969.
12. Гирш В. Гениальность и вырождение. Одесса, 1895.
13. Григуревич И. Инквизиция. М., 1977.
14. Громов Н.М., Козлов Н.С. Русская философская мысль X—XVII вв. М., 1990.
15. Гуревич А.Я. Ведьма в деревне и пред судом // Языки культуры и проблема переводимости. М., 1988.
16. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.
17. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
18. Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11.
19. Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к психологии индивидуальности // Психология индивидуальности: Материалы Всероссийской конференции / Отв. ред. В.Д. Шадриков. М., 2006.

20. Гусельцева М.С. Категория культуры в психологии и гуманитарных науках // Вопросы психологии. 2006. № 4.
21. Гусельцева М.С. Культура как психологическая реальность: опыт идеального моделирования // Вопросы психологии. 2007. № 5.
22. Гусельцева М.С. Психология, педагогика и культурология: встреча парадигм в эпоху перемен // Журнал приклад. психологии. 2004. № 4–5.
23. Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988.
24. Залкинд А.Б. Очерки культуры революционного времени: Сборник статей. М., 1924.
25. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. Пг., 1915.
26. Кребер А.Л. Избранное: Природа культуры. М., 2004.
27. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
28. Митрохин Л.Н. Философия религии (Опыт истолкования Марксова наследия). М., 1993.
29. Навицкая В.Т. Анатомия репрессивного сознания (как создавалась отечественная школа) // Вопросы философии. 1990. № 5.
30. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. М., 1984.
31. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Р.-н/Д, 1996.
32. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности М., 1992.
33. Синявский А.Д. Диссидентство как личный опыт // Юность. 1989. № 5.
34. Селли Дж. Гениальность и помешательство. М., 1895.
35. Тард Г. Социальная логика. СПб., 1996.
36. Теодракова М.В. Охота на ведьм: исторический опыт интолерантности. М., 2006.
37. Теплов Н.В. Что такое культура и что такое гениальность с точки зрения развития культуры: Доклад в заседании Исторического общества от 24 марта 1902 г. М., 1902.
38. Цвейг С. Совесть против насилия. М., 1988.
39. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса (влияние космических факторов на поведение организованных человеческих масс и на течение всемирно-исторического процесса, начиная с V в. до Р. Хр. и по сие время). Калуга, 1924.
40. Ясперс К. Смысл и предназначение истории. М., 1991.
41. Huerre P., Ragan-Reymond M., Reymond J.M. L'adolescence n'existe pas. Histoire des tribulations d'un artifice. P.: Editions Universitaires, 1990.

## Phenomenology of Non-Adaptive Activity in Cultural-Historical Paradigm

**A.G. Asmolv**

Ph.D. in Psychology, professor at the Lomonosov Moscow State University

**M.S. Guseltseva**

Ph.D. in Psychology, senior researcher at the Psychological Institute of the Russian Academy of Education

---

The paper analyses the phenomenology of non-adaptive personality activity within the framework of cultural-historical psychology. The authors set forth a typology of non-adaptive personality and discuss the emergence of such personality types in certain stages of sociocultural systems evolution, when social crises occur. The authors also advance a hypothesis that the genre of scientific publicism can be considered a special methodological instrument for analysing interdisciplinary issues.

**Key words:** non-adaptive activity, cultural-historical psychology, culture, historical-evolutionary approach.

### References

1. Asmolv A.G. Kul'turno-istoricheskaya psihologiya i konstruirovaniye mirov. M.; Voronezh, 1996.
2. Asmolv A.G. Psihologiya lichnosti: Kul'turno-istoricheskoye ponimaniye razvitiya cheloveka. M., 2007.
3. Asmolv A.G., Gusel'tseva M.S. Mehanizmy podavleniya individual'nosti v totalitarnykh kul'turakh: kak zarozhdayutsya i ischezayut ved'my i genii? // Tetradi Mezhd. un-ta v Moskve. Sb. nauch. trudov. Vyp. 8. M., 2007.
4. Asmolv A.G., Nyrova (Gusel'tseva) M.S. Nestandartnoye obrazovaniye v izmenyayushemsya mire: kul'turno-istoricheskaya perspektiva. Novgorod, 1993.
5. Batkin L.M. Ital'yanskoye Vozrozhdeniye v poiskakh individual'nosti. M., 1989.
6. Bahtin V.C. Shkol'naya zhizn' v Parizhe XII veka // Srednevekovyy byt. Sbornik statei. Pg., 1925.
7. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. M., 1965.
8. Varshavskii V.I., Pospelov D.A. Orkestr igraet bez dirizhera. M., 1984.

9. *Veber M.* Izbr. proizvedeniya. M., 1990.
10. *Vernadskii V.I.* Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie. M., 1988.
11. *Gasparov M.L.* [Vstupitel'naya stat'ya] // Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury IX—XI vv. M., 1969.
12. *Girsh V.* Genial'nost' i vyrozhdenie. Odessa, 1895.
13. *Grigurevich I.* Inkviziciya. M., 1977.
14. *Gromov N.M., Kozlov N.S.* Russkaya filosofskaya mysl' X—XVII vv. M., 1990.
15. *Gurevich A.Ya.* Ved'ma v derevne i pred sudom // Yazyki kul'tury i problema perevodimosti. M., 1988.
16. *Gurevich A.Ya.* Individ i socium na srednevekovom Zapade. M., 2005.
17. *Gurevich A.Ya.* Srednevekovyi mir: Kul'tura bez-molvstvuyushogo bol'shinstva. M., 1990.
18. *Guseinov G. Ch.* Lozh' kak sostoyanie soznaniya // Voprosy filosofii. 1989. № 11.
19. *Gusel'ceva M.S.* Kul'turno-analiticheskii podhod k psikhologii individual'nosti // Psikhologiya individual'nosti. Materialy Vserossiiskoi konferencii. Otv. red. V.D. Shadrnikov. M., 2006.
20. *Gusel'ceva M.S.* Kategoriya kul'tury v psikhologii i gumanitarnykh naukakh // Voprosy psikhologii. 2006. № 4.
21. *Gusel'ceva M.S.* Kul'tura kak psihologicheskaya real'nost': opyt ideal'nogo modelirovaniya // Voprosy psikhologii. 2007. № 5.
22. *Gusel'ceva M.S.* Psikhologiya, pedagogika i kul'turologiya: vstrecha paradigmy v epohu peremen // Zhurn. priklad. psikhologii, 2004, № 4—5.
23. Dekabristy v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1988.
24. *Zalkind A.B.* Ocherki kul'tury revolyucionnogo vremeni: Sbornik statei. M., 1924.
25. *Karsavin L.P.* Osnovy srednevekovoi religioznosti v XII-XIII vv. Pg., 1915.
26. *Kreber A.L.* Izbrannoe: Priroda kul'tury. M., 2004.
27. *Lotman Yu.M.* Besedy o russkoi kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka). SPb., 1994.
28. *Mitrohin L.N.* Filosofiya religii. (Opyt istolkovaniya Marksova naslediya). M., 1993.
29. *Nanivskaya V.T.* Anatomiya repressivnogo soznaniya (kak sozdavalas' otechestvennaya shkola) // Voprosy filosofii. 1990. № 5.
30. *Panchenko A.M.* Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform. M., 1984.
31. *Petrovskii V.A.* Lichnost' v psikhologii: paradigma sub'ektnosti. R.-n/D, 1996.
32. *Petrovskii V.A.* Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti M., 1992.
33. *Sinyavskii A.D.* Dissidentstvo kak lichnyi opyt // Yunost'. 1989. № 5.
34. *Selli Dzh.* Genial'nost' i pomeshatel'stvo. M., 1895.
35. *Tard G.* Social'naya logika. SPb., 1996.
36. *Tendryakova M.V.* Ohota na ved'm: istoricheskii opyt intolerantnosti. M., 2006.
37. *Teplov N.V.* Chto takoe kul'tura i chto takoe genial'nost' s tochki zreniya razvitiya kul'tury // Doklad v zasedanii Istoricheskogo obshestva ot 24 marta 1902 g. M., 1902.
38. *Cveig S.* Sovest' protiv nasiliya. M., 1988.
39. *Chizhevskii A.L.* Fizicheskie faktory istoricheskogo processa (vliyaniye kosmicheskikh faktorov na povedeniye organizovannykh chelovecheskikh mass i na techeniye vseмирno-istoricheskogo processa, nachinaya s V v. do R. Hr. i po sie vremya). Kaluga, 1924.
40. *Yaspers K.* Smysl i prednaznachenie istorii. M., 1991.
41. *Huerre P., Ragan-Reymond M., Reymond J.M.* L'adolescence n'existe pas. Histoire des tribulations d'un artifice. P., 1990.